

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В. ШТЕЙНИЦ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕМЕЦКОЙ ЭТНОГРАФИИ *

Для правильного понимания современного состояния этнографической работы в Германской Демократической Республике необходимо хотя бы коротко остановиться на истории этой науки в Германии.

Начало немецкой этнографии восходит к эпохе реформации и Великой крестьянской войны в Германии, когда немецкие гуманисты начали заниматься изучением народной жизни. Выдающимся представителем немецкой этнографии того времени является Иоганнес Богемус (Бем), автор вышедшей в 1520 г. работы «О нравах всех народов». Для научной деятельности Богемуса и его последователей особенно характерны три момента. Во-первых, ясно выраженная демократическая установка, защита интересов крестьян против жестоко угнетавшего их дворянства. Во-вторых, патриотизм, любовь к немецкому народу, которой и был продиктован интерес к его жизни и обычаям. В-третьих, отсутствие националистического зазнайства, уважение ко всем, в том числе неевропейским и нехристианским, народам. Эти гуманисты являются основоположниками немецкой этнографии. Мы вправе гордиться их демократической идеологией, влияние которой распространилось далеко за пределы Германии, так как книга Богемуса свыше 40 раз была переиздана в Париже, Лондоне, Венеции и других городах.

Второй важный период в истории немецкой этнографии и фольклористики, непосредственно приведший к развитию этнографии как науки в современном значении этого слова, также связан с крупным общественным движением. Рост самосознания молодой немецкой буржуазии в эпоху «бури и натиска» выразился, в частности, в интересе к народной песне. Это ярко сказалось в «Голосах народов в песнях» Гердера. Рядом с ним следует назвать имена Шубарта, проведшего десять лет в Гогенсбергской тюрьме, и Бюргера, который еще до опубликования сборника Гердера призывал к собиранию немецких народных песен. Гете в страсбургский период его жизни именно по настоянию Гердера собирает в Эльзасе народные песни и благодаря этому находит свой лирический и глубоко-народный стиль. Интерес к народной песне Гете сохраняет до конца жизни.

В 1806—1808 гг., как раз в годы глубочайшего национального унижения Германии наполеоновской Францией, появился «Волшебный рог мальчика» романтиков Арнима и Brentано. «Волшебный рог» гораздо

* Из доклада проф. В. Штейница, прочитанного на сессии Отделения всеобщей и немецкой этнографии Германской академии наук, состоявшейся 4—6 сентября 1953 г. в Берлине; доклад опубликован в серии «Sonderreihe zur Volkskunstforschung», Н. 1, Berlin, 1953.

шире и глубже, чем «Голоса народов в песнях», раскрыл национальную сокровищницу народных песен. Вместе с тем он послужил толчком к дальнейшей работе в области изучения народной поэзии.

«Волшебный рог» Арнима и Brentано вызвал живые отклики передовых деятелей культуры и искусства. На этот сборник написал восторженную рецензию Гете. Она открыла серию заметок Гете о сборниках испанских, новогреческих и других собраний народных песен. Эти заметки и рецензии подвели Гете к написанию в 1826 г. большой статьи о сербской народной песне. Гете, как видно из его работ, интересовала не только народная песня, но и трудовая жизнь и обычаи народа. В лице Гете соединяется интерес гердеровской эпохи к народной песне с вновь пробудившимся интересом к народной поэзии вообще, получившим особенно широкий резонанс во время наполеоновского нашествия.

Арним и Brentано не ограничились изданием «Волшебного рога мальчика». Они предполагали также издать собрание немецких сказок, пользуясь помощью молодых братьев Grimm, которые внесли значительный вклад в издание «Волшебного рога».

Но Арним не смог в дальнейшем работать над сказками и передал свой материал Якову Grimm. В 1812 г., непосредственно накануне свержения наполеоновского ига, появился первый том знаменитого сборника сказок братьев Grimm — «Детские и семейные сказки».

Говоря о деятельности романтиков в период национального угнетения и национальной раздробленности, следует особенно подчеркнуть их глубокую веру в творческие силы народа. Их теория создания народных сказок и песен имеет идеалистический и даже мистический характер, но признание ими творческих сил народа имело для того времени немалое значение. Вообще, реакционные стороны немецкой романтической школы — учение о неизменном народном духе, понимание народа как единого целого и полное игнорирование глубоких классовых противоречий, идеализация феодального средневековья, католицизма и мистицизма, ретроградство и враждебное отношение к французской буржуазной революции — не должны вести к отрицанию того, что в ее деятельности были и некоторые положительные черты. Мы не можем забыть, что романтики, стремясь укрепить национальное самосознание, публиковали сокровища народной поэзии, говорили о народе как источнике художественного творчества.

Освободительные войны привели к изгнанию иноземных захватчиков, но задачи национального объединения и демократизации Германии остались неразрешенными. Три прогрессивных немецких этнографа периода до 1848 г. приложили немало усилий для достижения этих целей. Яков Grimm, не только замечательный языковед, но и неутомимый собиратель и исследователь немецких сказок и саг, древних верований, обычаев и правовых взглядов, в 1837 г. отказался от профессуры в Геттингенском университете в знак протеста против произвола ганноверского герцога. Позднее, возмущенный наступившей после 1848 г. реакцией, Яков Grimm писал: «Только беспощадное применение насилия может еще помочь. Чем старше я становлюсь, тем демократичнее делаются мои убеждения».

Гофман фон Фаллерслебен, занимавшийся исследованием главным образом народных песен, в связи с его оппозиционными убеждениями был в 1842 г. уволен от профессуры в Бреславльском университете. Людвиг Уланд, также исследователь народных песен и профессор Тюбингенского университета, являлся в качестве оппозиционного депутата Вюртембергского ландтага «ревностным представителем народных прав и смелым глашатаем равенства граждан и свободы духа», как характеризовал его Генрих Гейне.

Прогрессивные буржуазные демократы и ученые пробудили глубокий интерес к народной поэзии у представителей передовых сил Германии. Этот интерес ярко проявился у молодых Маркса и Энгельса.

Энгельс в 1839 г. написал статью «Немецкие народные книги», где отмечал, что наиболее значительной народной книгой является «История о неуязвимом Зигфриде». «Эта книга мне нравится,— писал Энгельс,— это — рассказ, оставляющий желать немногого; он полон роскошной поэзии, соединенной то с величайшей наивностью, то с прекраснейшим юмористическим пафосом; книга брызжет остроумием...»¹. Энгельс и впоследствии занимал образ Зигфрида, которого он называл «представителем германской молодежи», Хотя статья Энгельса и была перепечатана в Германской Демократической Республике, она еще не использована немецкими учеными при исследовании саг. Следует отметить, что Энгельс обстоятельно изучил не только сборники немецких народных песен, сказаний и сказок, но и народную поэзию почти всех европейских народов, в ряде случаев в подлинниках.

Не так широко известен интерес к народной поэзии, проявленный Марксом. Выдающийся знаток греческого эпоса, Маркс в бытность свою берлинским студентом обстоятельно ознакомился с древнегерманской мифологией. В этот же период он составил рукописный сборник из 46 народных песен для своей невесты Жени Вестфален. Этот сборник будет издан Этнографическим институтом Германской Академии наук.

Таким образом, период с 1770 по 1848 г. отмечен усиленной работой над изучением немецкого народного творчества. Для работ этого периода характерно утверждение творческой мощи народа и полное отсутствие националистических идей превосходства и исключительности немецкой нации. Следует особенно подчеркнуть тесную связь немецких ученых этого периода со славянским миром, их уважение к славянским народам. Я напому здесь об известных словах Гердера, предсказывавшего великое будущее славянских народов, и о переписке Якова Гримма со славянскими учеными, часть которой опубликована в «Трудах Германской Академии наук». Характерной чертой этого периода является также сочетание научности содержания с мастерским популярным изложением. Крупный ученый Яков Гримм издавал сказки и саги не только как научные сборники, но и как любовно обработанные книги для чтения.

Выше говорилось о реакционных сторонах немецкого романтизма. Реакционные черты имеются и в творчестве Якова Гримма, связанного с романтиками, видевшего временами возможность выхода в политическом компромиссе с монархией Гогенцоллернов. Значительно резче эти черты выражены в деятельности его брата Вильгельма, который, подготавливая к печати более поздние издания «детских и семейных сказок», нередко искажал их демократические тенденции. В качестве примера приведем сказку о «куме-Смерти», в которой бедняк после рождения тринадцатого ребенка отправляется на поиски кума. В первом издании сказки (1812) читаем: «Тут встретил его господь бог и сказал ему: «Мне жаль тебя, бедный человек, я хочу быть восприемником твоего ребенка и заботиться о нем, тогда счастлив будет он на земле». Бедняк ответил: «Я не хочу иметь тебя кумом, ты одеяешь богатых и обрекаешь бедняков на голод». С этими словами он расстался с богом и пошел дальше». В третьем же издании (1857), которым пользуются еще и в настоящее время, ответ бедняка сопровождается следующей ремаркой: «Бедняк сказал это, так как он не знал, как мудро распределяет бог богатство и бедность. И он отвернулся от господя бога и пошел дальше...».

При помощи такого рода ханжеских вставок, не вяжущихся с общим смыслом сказок, последние были искажены и в ряде случаев превратились в идеологическое оружие господствующих классов. Вот яркий пример того, как критически следует подходить к оценке сборников народной поэзии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. II, стр. 28.

После поражения революции 1848 г. демократические тенденции в немецкой этнографии все больше и больше ослабевают.

Риль, имевший бесспорные заслуги перед этнографией, в своем докладе «Народоведение как наука» призывает к сотрудничеству с реакционным правительством. «Этнография, — говорит Риль, — имеет чрезвычайно важное назначение: внести систему в анархию полицейского права и в не меньшей мере логику в административную практику. Наибольшее торжество искусства внутреннего управления заключалось бы в том, чтобы так верно соразмерить каждый административный акт с природой народа, чтобы последний даже при самых тягостных событиях полагал, что административная власть, собственно говоря, распорядилась и действовала в его пользу». Эти слова были написаны Рилем в 1858 г., девять лет спустя после возобновления жестоких преследований в отношении немецких демократов — Гофмана фон Фаллерслебена, Уланда и других, и являли собой открытый разрыв с прогрессивными традициями немецкой этнографии.

Это не могло остаться без последствий. Логикой вещей признание и поддержка реакционного полицейского государства вели к замалчиванию демократических элементов культуры, влекли за собой презрение к народу и его творческим силам. Эта тенденция получила логическое завершение в 1920-х годах в теории Ганса Наумана, провозгласившего: «Народное достояние создается только в верхушечном слое... Народ всегда является отсталым, он питается крохами, которые падают со стола духовно богатых»². Отсюда и наумановская трактовка этнографии. «Этнография, рассматриваемая таким образом, уводит от демократии» и «приводит к признанию аристократии мысли и творческой личности, в руках которых сосредоточены руководство и культурное развитие»³. Опасность этой антинародной теории, проникнутой идеей мнимого превосходства людей-господ, была тем более значительной, что она исходила от образованного этнографа, на трудах которого зиждилось этнографическое образование немецкого учительства.

Не следует, однако, думать, что вся немецкая этнография в рассматриваемый период скатилась на реакционные позиции и прониклась нацистским духом. За истекшие полвека двое ученых в весьма положительном смысле повлияли на развитие немецкой этнографии: это недавно скончавшиеся Адольф Шпамер и Джон Мейер.

Адольф Шпамер (1883—1953) известен не только как ученый, но и как прогрессивный общественный деятель. В этом отношении особое значение имеет участие Шпамера в Мюнхенской Советской республике, разгромленной в мае 1919 г. силами контрреволюции. Шпамер был предан военно-полевому суду и только благодаря вмешательству видных мюнхенских ученых отделался изгнанием из Мюнхена. Не будучи марксистом и сознательным революционером, Шпамер с расколом и ослаблением немецкого рабочего движения отошел от политики, но продолжал оставаться «подозрительным» и только в 1926 г. впервые получил должность профессора (в Дрезденской Высшей технической школе). Шпамер не капитулировал перед нацизмом и его расистской лже-этнографией и в связи с этим подвергся преследованиям со стороны молодчиков из ведомства Розенберга. Нацистское правительство не утвердило его избрание в Прусскую Академию наук; только после разгрома гитлеровцев, в 1946 г., Шпамер смог принять участие в работе Германской Академии наук в Берлине. Шпамер развернул активную прогрессивную культурную деятельность и в то же время положил начало этнографической работе в Германской Демократической Республике, учредив Комиссию по немецкой этнографии. Академия только сейчас приобрела его большое науч-

² H. Naumann, Grundzüge der deutschen Volkskunde, 1922, стр. 5.

³ H. Naumann, Primitive Gemeinschaftskultur, 1921, стр. 17.

ное наследство; Этнографическому институту предстоит сделать его доступным для научного исследования и опубликовать законченные работы.

Научные интересы Адольфа Шпамера были очень широки. Они охватывали народное изобразительное и устное творчество, нравы и обычаи, методические и общие вопросы немецкой этнографии. Только в самом конце жизни Шпамер ограничил свою работу, а тем самым и работу Комиссии по немецкой этнографии узко специальной областью, в которой он располагал исключительными познаниями: исследованием заговоров по Мерзебургским заклинаниям IX в., дающим богатый материал для изучения древних, средневековых и современных суеверий. Вследствие болезни, с 1950 г. приковавшей его к постели, Шпамер не смог принять участия в общем подъеме этнографической работы в Германской Демократической Республике, но он всячески приветствовал этот подъем.

Как бы высоко мы ни ценили научную работу Шпамера, не следует забывать о ее слабых сторонах и прежде всего о его идеалистической методологии. Но, говоря о Шпамере, я хотел бы отметить два существенных момента: во-первых, при решении идеологических вопросов немецкой этнографии в период Веймарской республики и в дискуссиях по теории Наумана Шпамер неизменно выступал против расистских концепций в этнографии; во-вторых, этнография не была для Шпамера кабинетной наукой о пережитках — в его представлениях она была тесно связана с современной жизнью.

Шпамер был крупным немецким прогрессивным ученым, память которого мы будем всегда чтить.

Второй выдающийся представитель немецкой этнографии первой половины XX в., Джон Мейер, также был тесно связан с работой нашего Этнографического института. В 1952 г. правительство Германской Демократической Республики за исследования в области немецких народных песен наградило Джона Мейера Национальной премией. Джон Мейер скоропостижно скончался в мае 1953 г. на исходе 89-го года жизни во время работы над новым томом своих исследований по немецкой народной песне.

В противоположность Шпамеру, Мейер в своей исследовательской работе ограничивался одной областью: немецкой народной песней, но в этой области он владел редким мастерством. Мейер рано отказался от педагогической деятельности и с 1913 г. посвятил себя целиком созданию Архива немецких народных песен и подготовке большого научного труда о немецкой поэзии. При создании Архива народных песен выявились его громадные организаторские способности: ему удалось собрать материал в количестве чуть ли не 300 000 народных песен, почерпнув его из прежних и вновь организованных им местных (областных) коллекций, старинных листовок, рукописей и т. п. Венцом деятельности Мейера явился труд «Немецкие песни и их мелодии». Три вышедших в свет тома этого труда содержат 59 немецких народных баллад с тщательно подобранными текстами и мелодиями и обстоятельным исследованием истории каждой отдельной песни.

У Джона Мейера имеются заслуги специально в области изучения демократической народной песни: песен Людвиг Занда, Фридриха Гекера и других демократических деятелей периода до 1848 г. Изданные им «Народные песни Мозеля и Саара» до сих пор являются единственным сборником немецких народных песен, содержащим в качестве приложения песни о классовой борьбе рабочих — три песни, посвященные крупной стачке саарских горнорабочих в 1889 г.

Как и Шпамер, Мейер еще в 1920-х годах отмежевывался от теории Наумана и открыто отверг попытку последнего ссылаться для обоснования своей теории на работы Мейера. В работах Мейера можно отчетливо увидеть постоянно усиливающуюся признание высокой ценности народного творчества и все возрастающую демократизацию его взглядов.

Несмотря на то, что первые тома большого труда Мейера о народной песне вышли в свет уже при гитлеровском режиме, среди более чем ста институтов и лиц, которым в предисловии выражена благодарность за содействие в работе, не имеется ни одного нацистского института или должностного лица, так же, как в труде Мейера нет ни одного высказывания хотя бы с малейшей нацистской окраской. Мейер не делал никаких уступок гитлеризму и даже в труднейшее время сохранил свой Архив народных песен свободным от нацистского влияния.

С 1945 г. и до самой смерти Мейер оставался сторонником единства немецкой науки и сотрудничества востока и запада нашей родины. Он полностью доказал это и выпуском своей книги в серии трудов нашей Комиссии по немецкой этнографии, и широкой поддержкой наших работ по исследованию демократических крестьянских, рабочих и солдатских народных песен, и предоставлением в наше распоряжение свыше 10 000 фотоснимков и копий.

Если Мейеру, происходившему из консервативной аристократической семьи, и недоставало прогрессивных установок, столь ярко выраженных у Шпамера, его поведение в тяжелое для немецкого народа время показало, что он был патриотом и честным демократом.

* * *

В возобновленной нами этнографической работе в Германской Демократической Республике мы бережно храним прогрессивные традиции немецкого народоведения периода до 1848 г. и используем то ценное, что дала позднейшая этнографическая наука в Германии.

В связи с этим мне хотелось бы высказаться по некоторым принципиальным вопросам, в отношении которых еще не достигнуто ясности. К рассмотрению этих вопросов я подхожу с точки зрения этнограф-марксиста. Означает ли это, что в нашей работе может быть представлена только марксистская точка зрения? Всем известно, что это не так.

Мы никогда не требовали от сотрудников Этнографического института, чтобы они обязательно были марксистами. Новая ориентировка работы в Германской Демократической Республике, направленная на разработку демократических традиций в народном творчестве, признается всеми правильной и необходимой, особенно после того, как стало ясно, что эта ориентировка ведет за собой не сужение программы работ, но ее существенное обогащение. Сотрудники-немарксисты вносят значительный вклад в нашу работу. На нас, этнограф-марксистах, лежит обязанность в порядке выполнения наших конкретных научных заданий показать нашим коллегам всю плодотворность историко-материалистического метода в применении его к данной специальной области. Только таким путем, а не общими декларациями о превосходстве марксизма-ленинизма над буржуазной наукой мы сможем убедить своих коллег, которые уже сейчас являются полезными и деятельными нашими сотрудниками.

Большую помощь в этом оказывают нам работы этнографов Советского Союза и стран народной демократии, журналы и книги которых поступают к нам все в большем количестве.

В каком соотношении между собой находятся всеобщая этнография (Völkerkunde) и отечественная этнография (Volkskunde)? Важно внести ясность в этот вопрос, уже подвергавшийся обсуждению. И. Вебер-Келлерман изложила свою точку зрения на страницах издаваемого Академией журнала⁴, таким образом, дискуссия может вестись на конкретной почве.

Я считаю, что термины «Völkerkunde» и «Volkskunde» являются синонимами. Между всеобщей и отечественной этнографией нет принци-

⁴ «Forschungen und Fortschritte», 1953, No. 1.

ального различия. Однако за отечественной этнографией исторически утвердился термин «*Volkskunde*» и нет никаких серьезных причин для его отмены.

Фон-Герамб, А. Габерланд, Р. Вейсс, И. Вебер-Келлерман и другие признают «близость и тесное соприкосновение обеих наук», но вместе с тем утверждают, что между этими науками имеются «абсолютные, принципиальные различия». В качестве одного из аргументов приводится утверждение, что исследования в области отечественной этнографии вследствие знания языка и «более сердечного отношения» к предмету исследования могут производиться углубленнее, чем исследования в области всеобщей этнографии. Однако проведение различия между двумя науками с субъективной точки зрения исследователя неправильно как в научно-методологическом, так и в практическом отношении. По тем же основаниям (знание языка и «более сердечное отношение» к предмету) нужно было бы разделить на две науки литературоведение, языковедение и многие другие науки. Только что опубликованную работу Гаупта и Смоляра «Народные песни сербов» из-за серба Смоляра пришлось бы отнести к отечественной, а из-за немца Гаупта к всеобщей этнографии. Можно привести десятки примеров, когда превосходные работы об обычаях, поэтическом творчестве или материальной культуре какого-либо европейского народа были написаны представителями и той же и других национальностей.

Таким образом, в данном случае на место объективных, поддающихся проверке научных данных ставятся субъективные признаки вроде «более сердечного отношения» или «рассмотрения по существу». Бесспорно, что обычно легче найти доступ к традиции собственного народа, однако все-таки нельзя разделять науки в зависимости от их большей или меньшей доступности.

Другим аргументом является утверждение о том, что в этнографии необходимо различать исследование «культурных» и «некультурных» народов, что исследование «культурных» народов с их двумя слоями — «нижним», или «материнским» («народ», «чернь»), с одной стороны, и «верхушечным», или «дочерним», с другой стороны, — принципиально отличается от исследования «первобытных» народов, лишенных «верхушечного» слоя. *Volkskunde*, говорит Герамб, отличается «не только относительно но и абсолютно от *Völkerkunde* именно вследствие наличия материнско-дочерних отношений».

Я не буду здесь останавливаться на неправильности употребления неясного термина «слой» вместо строго определенного в марксистской науке термина «класс». В действительности в истории человечества существуют лишь бесклассовые и классовые общества⁵. Чтобы показать методологическую ошибку, которая заключается в проведении принципиального, абсолютного различия между исследованием народов с бесклассовым и народов с классовым обществом, я приведу сравнение из области языковедения. Имеется несколько десятков языков, обладающих древней, порой в несколько тысячелетий, традицией письменности. Это языки так называемых культурных народов, так как буквенная письменность появляется только с возникновением государства. Существуют также многие сотни языков, которые в настоящее время или еще недавно принадлежали бесписьменным народам, в своем большинстве в недалеком прошлом жившим в бесклассовом обществе. Исследование языков с традицией письменности по своей методике и проблематике во многом отличается от исследования бесписьменных языков. Изучение древних текстов выработало определенные, нередко весьма сложные методы критического анализа. Из письменных документов, насчитывающих многовековую или

⁵ Я имею в виду антагонистическое классовое общество.

даже тысячелетнюю давность, мы можем почерпнуть данные об изменениях, которым подвергся язык. При изучении диалектов таких языков громадное значение имеет вопрос о влиянии письменного языка на диалекты и, наоборот, о внедрении элементов местных диалектов в сферу письменного языка. Все эти моменты полностью отсутствуют при изучении бесписьменных языков, и все-таки языковедение существует как единая наука. Еще никто не предпринимал попыток разделения его на «письменное» и «бесписьменное» языковедение. Исследование многих письменных языков, как, например, египетского, греческого, немецкого, русского, ввиду огромного объема исследуемых памятников, а также материала живых языков, ввиду огромного культурного значения этих языков, развилось в самостоятельные специальные дисциплины, которые, однако, никогда не претендовали на какое-то принципиальное, качественное отличие от языковедения вообще.

Я полагаю, что такое же положение существует в области этнографии. Исследование народов, издавна живущих в классовом обществе, народов, у которых культура господствующих классов находилась во взаимодействии с культурой угнетенных классов, требует, конечно, особых методов. Так, например, исследование немецкой народной песни требует глубокого знания художественной литературы, изучения средневековых источников и т. п. При исследовании же, например, народной поэзии остяков (хантов.— *Ред.*), народа, изучением которого я занимался, обе эти большие области в прошлом отпадали, так как письменности у них возникла только в советское время. Поэтому как в области языковедения, так и в области этнографии изучение народов со сложившимся классовым обществом и традицией письменности неизбежно должно было развиваться в специальные дисциплины, что и произошло в действительности.

Специализация идет еще больше: подобно тому, как в немецкой филологии мы встречаем специалистов по диалектам, древне-верхнемецкому языку, этимологии или грамматике, в области немецкой этнографии имеются специалисты по народной песне, народным сказкам и т. п.

Вся эта необходимая специализация не должна и не может служить основанием для отрицания принципиального единства этнографической науки.

Следует принять во внимание, что, во-первых, предлагаемое проведение принципиального различия между отечественной этнографией и этнографией вообще относится только к науке германоязычных стран, хотя нельзя сказать, что такое различие признается всеми немецкими этнографами; во-вторых, даже в науке германоязычных стран это требование принципиального разделения представляет собой явление, возникшее только после 1890-х годов, повидимому, в связи с переходом к империализму.

Как для Иоганнеса Богемуса, так и для Гердера не существовало различия между исследованием немецкого и других народов или между изучением народов европейских и неевропейских. Риль в 1858 г. в своем докладе, в котором он как раз провозглашал самостоятельность этнографии как науки, совершенно определенно применял термин «*Volkskunde*» в качестве синонима этнографии вообще. К. Вейнгольд в своей программной статье, напечатанной в 1891 г. в первом номере первого журнала, посвященного немецкой этнографии,— «*Zeitschrift für Volkskunde*»,— не проводил никакого различия между «*Volkskunde*» и «*Völkerkunde*». Джон Мейер в своей, также носящей программный характер, статье о задачах немецкой этнографии писал: «В области *Volkskunde* и *Völkerkunde* возникают одинаковые проблемы, но историческое развитие последней науки, а также своеобразие ее деятельности обусловили различие в наименованиях, что неудачно приводит к затушевыванию общности их целей... Этнограф нередко уделяет особенное внимание другим областям науки, как, например, антропологии, географии, истории культуры и т. п.

Но это только отклонения, не затрагивающие сущности той области работы, которая, по моему мнению, является тождественной с областью работы *Volkskunde* и которая отличается только объектом, лежащим в основе исследования. Для *Völkerkunde* этим объектом является народ, в большинстве случаев находящийся на примитивной ступени развития, тогда как *Volkskunde* ведет работу в области изучения своего собственного или родственного ему культурного народа»⁶.

В других странах такого различия не проводилось и не проводится. В Советском Союзе, в царской России, во Франции, Швеции или Финляндии, т. е. во всех тех странах, в которых научное исследование культуры своего собственного народа достигло высокого уровня, применяется единый термин «этнография» или другие термины описательного характера, которые одинаково пригодны для применения в отношении всех народов земного шара. Ни одному русскому исследователю не приходила в голову мысль о том, чтобы проводить принципиальное различие между исследованием традиций русского народа и исследованием традиций эвенков. Ни один шведский ученый не указывал на то, что изучение шведов и саами является делом двух различных наук. Финским исследователям, издающим известную серию «Сообщения общества фольклористов» («*Folklore Fellows Communications*»), показалось бы нелепым, если бы между исследованием саами, остяков, мордвы и других недавно еще бесписьменных народов и исследованием финского народа проводилось принципиальное различие.

О том, в какой опасной близости к идее о превосходстве «белых господ» над так называемыми «первобытными» народами стоит требование принципиального разделения этнографии на *Volkskunde* и *Völkerkunde*, свидетельствуют выводы австрийского исследователя Артура Хаберланда, который уже задолго до так называемого «аншлюса» сделался выразителем великогерманских империалистических интересов. В 1935 г. Хаберландт писал: «По условиям пространства и времени мы ограничиваем *Volkskunde* исследованием сущности культурных наций, и так как *Volkskunde* стремится к своеобразному выявлению душевных свойств, она должна ограничиться только кругом белой расы». Расистский характер этих выводов очевиден.

Таким образом, обсуждение вопроса о соотношении терминов «*Volkskunde*» и «*Völkerkunde*» имеет для нас особое значение. Мы должны избегать, как чумы, расистской идеи о превосходстве одних народов над другими. Мы обязаны признать роковые ошибки, допущенные немецкой этнографической наукой за последние десятилетия, начиная с концепции Наумана в 1920-х годах и кончая нацистской этнографией 1930—1940-х годов. К этому нас, в частности, обязывают прогрессивные традиции немецкой этнографии, традиции Гердера, Якова Гримма, Уланда и других наших исследователей.

Итак, этнография является единой наукой. Никакого принципиального различия между этнографическим исследованием, например, какого-либо европейского и африканского народа не существует. Этнографическое исследование народов с письменной традицией требует особых приемов и ставит перед собой особые цели. Этнографическое исследование немецкого народа является отраслью этнографии, требующей наличия различных специальных познаний. По традиции, в отношении отечественной этнографии мы пользуемся не термином «*Deutsche Völkerkunde*» (немецкая этнография), а термином «*Volkskunde*». Однако этот последний термин может употребляться также и применительно к этнографическому изучению других народов — русского, французского и т. д.

Что же следует понимать под народом, что является объектом изучения немецкой этнографии?

⁶ «*Deutsche Forschung. Aus der Arbeit der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft*». Heft 6, «*Deutsche Volkskunde*», 1928, стр. 22.

Термин «народ» имеет два значения: во-первых, он охватывает всех членов какого-либо этнического общества, независимо от их классовой принадлежности, например, «немецкий народ» (лат. *populus*); во-вторых, он может относиться только к трудящимся классам того или иного народа, например, «он вышел из народа» (лат. *vulgus*).

В немецкой этнографии много писали по поводу понятия «народ» как объекта этнографического изучения, на что указывает Герамб в своей большой, недавно опубликованной статье⁷. Наиболее распространено определение Гофмана-Крейера⁸: сфера деятельности этнографии — это *vulgus in populo*, «простой народ» во всем народе как целом. Однако относительно того, что должно быть отнесено к «простому народу», не было и нет единого мнения. С марксистской точки зрения следует говорить о трудящихся классах; к началу XIX в. это были главным образом крестьяне и ремесленники (на вопросе об этнографическом изучении рабочих мы остановимся дальше). Следует подчеркнуть, что различное отношение марксистской и немарксистской этнографии к предмету исследования, к носителям народной культуры отражено уже в самой терминологии. В терминах «низший слой» или «*vulgus*», которыми пользуется немарксистская этнография, имеется презрительный оттенок; «низший слой» противопоставляется «верхушке общества». Гофман-Крейер в упомянутой выше работе характеризует «*vulgus*» как простой, примитивно-мыслящий народ, в котором встречаются только немногие выдающиеся личности. Науман формулировал еще яснее: верхушечный социальный слой охватывает людей творчества, низший социальный слой — примитивных людей, способных лишь к восприятию и всегда упрощающих и искажающих воспринятое ими. Отсюда, например, издевательское противопоставление крепостных и дворовых восточного берега Эльбы их помещикам-юнкерам, как якобы творческому верхушечному слою.

Марксистская наука знает, с одной стороны, трудящихся, с другой, господствующие классы. Термином «трудящиеся» подчеркивается, что речь идет о решающей для существования всего народа и самой ценной его части. Термины «трудящиеся» и «господствующие классы» являются объективными; термины «низший слой» и «верхушечный слой» — субъективно-оценочными.

В прошлом главным объектом этнографического исследования было крестьянство, более всего связанное традициями и поэтому более покорное властям и церкви. Однако в крестьянине следует видеть и другое. Мы помним о борьбе крестьянства против произвола юнкеров и попов в течение всего средневековья вплоть до Великой крестьянской войны в Германии; мы помним, что и после ужасного поражения крестьянской войны восстания крестьян вспыхивали снова и снова: во время тридцатилетней войны, на рубеже XIX в., во время революции 1848 г., когда в Вюртемберге, Гессене, Силезии, Саксонии и других землях крестьяне боролись против остатков крепостничества и сжигали поземельные книги. К сожалению, наша историческая наука мало еще занималась исследованием крестьянских движений, а этнография забывала о крестьянине-борце, подлинном человеке, подобном Гансу Карсту, каким он выступает в подметных письмах первой четверти XVI в., о крестьянине, поднявшемся против навязываемых ему господами традиций.

То же можно сказать и в отношении других слоев трудящихся. Ввиду того, что мы, этнографы-марксисты, ощущаем свою тесную связь с трудящимся, борющимся за свои права и свободы народом, мы придаем особое значение исследованию его прогрессивных традиций, отразившихся в песнях, сказках и т. п. Мы противопоставляем реакционным взглядам Наумана ленинскую теорию национальной культуры. «В каждой нацио-

⁷ См. «Zeitschrift für Volkskunde», 50, 1953, стр. 7—34.

⁸ E. Hoffman-Krauer, Die Volkskunde als Wissenschaft, Zürich, 1902, стр. 6.

нальной культуре, — писал В. И. Ленин, — есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»⁹.

Здесь ярко подчеркиваются творческие силы трудящихся масс, а вместе с тем показывается то влияние, которое оказывает на угнетенные массы господствующая буржуазная культура. Новая постановка задач этнографии в Германской Демократической Республике заключается в том, чтобы создать все условия для развития творческих сил трудящихся, с одной стороны, и исследовать конкретные формы взаимодействия между демократической и буржуазной культурой, с другой стороны.

В последние десятилетия в немецкой этнографии возникло психологическое направление, в качестве представителей которого я могу назвать Адольфа Шпамера и Рихарда Вейсса. Это направление видит в *vulgus* не столько класс или сословие, сколько состояние, манеру поведения, нечто народное в каждом человеке. Вейсс в своей вышедшей в 1946 г. работе «Швейцарская этнография» дает схему человеческого сознания, которое он делит на сферу народного сознания «низшего слоя» и сферу индивидуального сознания «верхушечного слоя». По мнению Вейсса, предметом этнографии является область народного сознания. Такой психологизм приводит к совершенно субъективным оценкам и не может служить основой науки. Этнография должна дать общественное определение предмета своего исследования, а не психологическое, которое стирает как социальные, так и национальные различия.

Таким образом, немецкая этнография должна заниматься изучением трудящегося немецкого народа с его материальной и духовной культурой, причем разнообразные проявления этой культуры должны рассматриваться во всесторонней взаимной связи, взаимной обусловленности и в их историческом развитии. Особому исследованию следует подвергнуть вклад трудящихся в немецкую национальную культуру.

Как же обстоит сейчас дело с исследованием рабочего класса, который в настоящее время является сильнейшим и наиболее значительным классом трудящихся в Германии? Является ли этот класс предметом этнографического изучения?

Имеются только весьма немногие опыты этнографического изучения рабочего класса. Изданная в 1930 г. работа Пейкерта «Этнография пролетариата»¹⁰ остановилась, собственно говоря, на предистории вопроса, а другие работы в данной области рассматривают только пережитки, остаточные явления из жизни мелкой крестьянской буржуазии, быт современных ремесленников и их прадедов. Авторы этих работ даже не пытались показать типичные для современного рабочего класса формы быта. Явно неудовлетворительно обстоит дело в этих работах с качеством фактического материала, не говоря уже о неправильности применяемой методологии. Систематические исследования жизни горняков в Рудных горах, которые проводятся Дрезденским этнографическим институтом, больше касаются старинного быта горняков и его пережитков, нежели быта современных горнопромышленных рабочих.

Приходится открыто сознаться в том, что и для меня самого этот вопрос недостаточно ясен. В этнографической литературе Советского Союза и стран народной демократии, где уже сравнительно давно занимаются этим вопросом, я не знаю ни одной работы, в которой давались бы не программные декларации, а конкретное изображение жизни рабочих большой новой фабрики.

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

¹⁰ Peukert, Volkskunde des Proletariats, 1930.

В Советском Союзе глубоко разрабатывается рабочий фольклор, ведется изучение дореволюционных рабочих песен и песен советской эпохи. В Германии до сих пор собрано только очень немного таких песен, хотя от рабочих старшего поколения можно было бы записать немало песен, говорящих о стачечной борьбе (их опубликовано только три — в собрании Джона Мейера), о революционных боях 1918—1923 гг. Необходимо организовать собрание рабочих песен в самом широком масштабе, при содействии участников кружков художественной самодельности, культур-работников на производстве, в профсоюзах и т. п.; только таким путем в сравнительно короткое время может быть собран большой и ценный материал по рабочему фольклору.

Но этого, конечно, мало. Следует принципиально решить вопрос, в какой мере предметом этнографии может быть исследование форм быта современного индустриального рабочего класса, а не того рабочего класса раннего периода индустриализации, который был тысячами нитей связан с деревней.
